

УДК 7.033.75.02-033.641-033.642_(476)

ББК 85.12

DOI 10.18688/aa2414-3-22

Е. А. Попова

Белорусские изразцы XVI–XVII веков из коллекции Русского музея

В коллекцию Русского музея входит собрание белорусских изразцов, которые составляют цельную группу памятников (73 инв. №), так как происходят из одного поселения — города Новогрудок, расположенного в Гродненской области Белоруссии. Археологические изыскания на территории посада осуществлялись систематически с 1957 г. [2, с. 88; 3, с. 5] Ленинградским отделением института археологии АН СССР (Славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции под руководством Фриды Давыдовны Гуревич). Рассматриваемые изразцы были обнаружены за полевые сезоны с 1959 по 1967 гг. Из ЛОИА они поступили на хранение в Русский музей в 1979 г.¹

Древний Новогрудок был одним из центров Верхнего Понеманья, упоминания о нём встречаются в летописях с 30-х гг. XIII в. [1, с. 244]. Все изразцы находились в поздних слоях окольного города или Малого замка, огражденного валом к началу XII в. и занимавшего холм, соседний с Замковой горой, где располагался детинец Новогрудка. На основании археологических исследований возникновение посада в данном районе Новогрудка относят к концу X в. [3, с. 82, 157]. Расцвет поселения пришёлся на период XII в., когда здесь существовал квартал с большими богатыми домами, златокузнечными и ювелирными мастерскими, а обнаруженные предметы прикладного искусства и ремёсел продемонстрировали широту торговых связей древнего центра: от стран Скандинавии и Западной Европы до Византии и Ближнего Востока. Ф. Д. Гуревич полагала, что захват окольного города волинским князем Львом Даниловичем в 1274 г. способствовал замиранию на территории Малого замка городской жизни, которая за последующие столетия не возродилась в прежнем масштабе [3, с. 157]. После вхождения Новогрудка в середине XIV в. в состав Великого княжества Литовского, а позже Речи Посполитой происходит активизация строительной деятельности, начинается поэтапное возведение каменной крепости на Замковой горе, продолжавшееся в течение XV–XVI вв.

Фрида Давыдовна Гуревич в своих публикациях уделяла внимание, прежде всего, находкам домонгольского периода. В монографии 1981 г. исследователь лишь упоминает об обнаружении изразцов, относящихся к позднесредневековому периоду истории окольного города [3, с. 8]. Впервые комплексную характеристику находок архитектурно-декоративной керамики из Новогрудка произвел О. В. Овсянников. Примечательно, что в статье были представлены рисунки и реконструкции обнаруженных плиток,

¹ Нам известно о части изразцов, открытых в период археологических работ в Новогрудке, которые находятся в собрании Государственного Эрмитажа. В публикации О. В. Овсянникова говорится о собранной за период раскопок коллекции из более 200 предметов различной степени сохранности [12, с. 122].

которые полностью совпадают с рядом образцов из коллекции Русского музея или относятся к одному типу орнамента [12, с. 123]². Также среди экспедиционных материалов, хранящихся в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) был обнаружен снимок двух изразцов из музейного собрания³. Новогрудским изразцам посвящена статья Людмилы Григорьевны Паничевой, где указано, что на территории города были найдены горшкообразные изразцы раннего типа с круглым устьем, известные в белорусских городах с первой половины XIV в. [14, с. 3]. В своей диссертации исследовательница уточнила, что в Новогрудке были представлены четыре вида сосудообразных изразцов (с устьем круглой, квадрифольной, треугольной и четырехугольной формы) [14, с. 4]. В музейном собрании изразцы первого типа (сосудообразные) — согласно классификации, предложенной Л. Г. Паничевой [14, с. 3, 4], — не представлены. Несколько предметов из коллекции белорусских изразцов с уточненными датировками и комментариями научного сотрудника отдела древнерусского искусства Изиллы Ивановны Плешановой были опубликованы в каталоге выставки новых поступлений Русского музея [4, с. 9, 10, 29, 30, 32, 33]. Изразцы Новогрудка в качестве аналогий неоднократно упоминались в публикациях исследователей архитектурно-декоративной керамики из других городов и замков Белоруссии, что доказывает параллельность художественных процессов в различных белорусских центрах. Например, исследователи Мирского замка отмечали сходство найденных на его территории изразцов (конца XVI–XVII вв.) с образцами из Новогрудка [25, с. 224, 232].

Изразцы из музейной коллекции представляют собой фрагменты. Все они являются печными: на многих образцах присутствует налёт копоти. В позднесредневековый период изразцы в белорусских постройках не использовались при оформлении фасадов [21, с. 130]. Исследователи Мирского замка предполагали, что отдельные плитки с изображением герба могли украшать стены комнат. А. И. Кос отмечает, что стены в комнатах архиепископского дворца Львова были облицованы изразцами [9, с. 390]. Вероятно, вследствие применения белорусских изразцов в интерьере они, по сравнению с древнерусскими образцами XVII в., параллельно использовавшимися при украшении фасадов зданий, менее монументальны и декорированы более изящными изображениями, выполненными в невысоком рельефе.

Печные изразцы появляются в Германии во второй половине XIII в. [21, с. 130]. Они переживают эволюцию от горшкообразной формы к мискообразной, а затем – коробчатой с прямоугольной лицевой пластиной и румпой. Исследователи отмечают особую схожесть белорусских образцов с польскими, литовскими и чешскими плитками, в меньшей степени — с немецкими и венгерскими [12, с. 125; 14, с. 6]. Олег Анатольевич Трусов считал, что печные изразцы (на белорусском языке — «кафли») приходят в белорусские города благодаря торговым связям с Германией [21, с. 130]. С другой стороны, при характеристике вильнюсских изразцов Адольфас Таутавичюс называет изразцы Гродненского замка в ряду образцов литовской архитектурно-декоративной керамики [36, р. 42]. Л. Г. Паничева рассматривала Новогрудок среди городов, где было

² Рис. 53, 1 — ДРИ-145; 2 — ДРИ-160; 3 — ДРИ-140, 141; 5 — 10 инв. №; 9 — 10 инв. №; 10 — ДРИ-129; 11 — ДРИ-130.

³ Шифр нег. П 71360. Шифр фото 0 233263. Инв. № 2101-167 // Научный архив ИИМК РАН. Альбом 0.24.59. Материалы раскопок Новогрудского отряда 1960 г. (Ф. Д. Гуревич). На снимке — изразцы под инвентарными номерами ДРИ-158, ДРИ-165.

налажено собственное производство изразцов [14, с. 15]. Автор обращал внимание на разнообразие параметров румп у найденных в Новогрудке образцов, на основании чего было выдвинуто предположение о работе нескольких мастерских [14, с. 3; 15, с.33].

Обнаруженные в Вильнюсе на территории Нижнего замка печные изразцы, деформированные или с изъянами глазури, но, тем не менее, имеющие следы использования, стали для А. Тауавичюса доказательством наличия в городе собственного производства архитектурно-декоративной керамики [36, р. 45], так как сложно допустить намеренный импорт плиток с дефектом. В коллекции Русского

музея хранится один фрагмент красного стенового изразца (инв. № ДРИ-153) с затеками зелёной поливы на лицевой поверхности и налётом копоти на обороте. Мы можем заключить, что жители Новогрудка применяли бракованные плитки, которые были изделиями городских мастерских, а найденные древние сосудообразные изразцы на территории посада подтверждают длительное существование и эволюцию местной традиции.

Все рассматриваемые изразцы выполнены из красножгущейся глины. Большинство из них относятся к двум типам: красным изразцам, то есть без поливы, и муравленым — покрытым зелёной глазурью различных оттенков.

Обнаружение в одних археологических слоях Новогрудка плиток с разным типом покрытия лицевой пластины соответствует наблюдениям исследователей белорусского изразечного искусства, которые отмечали одновременное бытование красных и поливных плиток. Ученые связывали выбор типа покрытия с различным функциональным назначением помещений: простыми красными изразцами выкладывались печи в хозяйственных комнатах, а в парадных залах — глазурованными [25, с. 234]. Изготовление поливных и неполивных изразцов с применением одной матрицы, что заметно и на примере музейной коллекции, позволяло создавать изделия для граждан разного достатка. Также при обследовании белорусских городов были замечены случаи использования красных и глазурованных плиток в одном печном наборе. О. А. Трусков отмечает, что белорусские мастера выкладывали поливными изразцами фронтальную часть печи, а менее заметные боковые зоны покрывались простыми терракотовыми плитками [23, с. 14, 15]. В Копыси во время раскопок нашли угловой изразец, у кото-

Рис. 1. Фрагмент печного стенового изразца с изображением герба. Первая половина XVII в. Глина, обжиг, белая эмаль, цветные глазури. 16,5×16,8×13,5 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-128. Фото: Е. А. Попова, 2022

Рис. 2. Печной изразец-коронка. Первая половина XVII в. Глина, обжиг, глазурь. 8,5×9,1×5,5 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-145. Фото: Е. А. Попова, 2022

чева при анализе изразцов Полоцка, называя несколько фрагментов, выполненных с применением данной технологии, образцами, не встречавшимися ранее на территории Белоруссии [16, с. 55]. Если при производстве древнерусских, даже муравленных изразцов в XVII в. технология предварительной грунтовки раствором на основе белой глины активно применялась, то в изразцах Новогрудка ангоб не использовался для плиток, расцвеченных однотонной поливой. Данную технологическую особенность при характеристике белорусских изразцов отмечали Р. Л. Розенфельдт [19, с. 179] и О. Н. Левко [11, с. 6]. Среди польских изразцов одного периода мы видим использование обоих вариантов нанесения глазури [33, s. 269]. При анализе ренессансных изразцов Вавельского замка отмечалось, что полихромным изразцам второй четверти XVI в. была присуща более светлая колористическая палитра, глазури делали приглушённых, пастельных оттенков [34, s. 2]. В похожей цветовой гамме решён изразец из Русского музея. С другой стороны, О. А. Трусов сравнивает ассортимент изразцов в государственных и частновладельческих замках на территории Белоруссии и приходит к выводу, что многоцветные плитки широко использовались именно в последних, принадлежавших богатым магнатам [21, с. 143]. Небольшое количество многоцветных изразцов среди находок в Новогрудке объясняется скромным достатком жителей окольного города.

рого была покрыта глазурью только одна грань [13, с. 51]. Об обнаружении в Новогрудке остатков печи, сложенной из поливных и неполивных изразцов, Ф. Д. Гуревич сообщала в отчёте экспедиции за 1960 г.⁴

В собрании Русского музея находится лишь один полихромный образец (Рис. 1), с частично сохранившимся изображением герба и инициалом владельца. Л. Г. Паничева отмечала, что терракотовых и муравленных изразцов на территории Новогрудка было найдено примерно равное количество, в то время как полихромных — только четыре образца [15, с. 33]. И. И. Плешанова датировала фрагмент первой половиной XVII в. и сделала наблюдение, что он был «расцвечен по белой глухой поливе полупрозрачными глазурями» [4, с. 10]. Редкость использования ангоба в качестве подложки для глазури подчеркивала Л. Г. Паничева

⁴ Гуревич Ф. Д. Отчёт о полевых работах за 1960 г. в Новогрудке // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. О. 1960. Д. 203. С. 4. Указано, что печь была округлой формы. В характеристике изразцов говорится об их принадлежности позднему городу и сходстве с изразцами Вильнюса из слоёв XVI-XVII вв.

Датировка изразцов Новогрудка первоначально производилась на основании стратиграфических данных, таким образом, время создания большинства изразцов в коллекции Русского музея — XVII столетие.

В собрании представлены основные элементы печного набора: стенные (для зеркала печи), угловые уступы, карнизные, валик, коронки или городки (для оформления верхнего яруса печи). Среди белорусских центров производства архитектурно-декоративной керамики Новогрудок и Полоцк выделялись многообразием представленных на их изразцах узоров [14, с. 15]. На плитках из Русского музея встречается пять видов декора: геометрический, растительный, зооморфный, геральдический и религиозный.

Геометрический узор — наиболее древний и традиционный вид орнаментики, украшавшей лицевые пластины белорусских изразцов. Он особенно часто применялся при оформлении карнизных элементов, что демонстрируют и предметы нашего собрания. Истоки геометрических мотивов обнаруживают в готическом искусстве, а их появление на белорусских изразцах относят к первой половине — середине XVI в. [6, с. 10, 11]. Применение геометрических узоров в декоре более поздних новогрудских изразцов является скорее анахронизмом. Репертуар представленных орнаментов достаточно разнообразен: от композиций из часто расположенных линий, напоминающих мотивы народной вышивки, до простых повторяющихся фигур (ромбы, рельефные точки, цепочки из небольших овалов).

В рамках данной публикации мы хотели бы подробнее остановиться на геометрическом орнаменте, украшающем изразец-коронку⁵ (Рис. 2). Его нижняя часть (под стилизованной пальметкой) представляет собой бордюр с сетчатым узором. Такой мотив известен ещё по древним образцам (XII–XIII вв.) — предположительно напольным плиткам, найденных при раскопках в детинце древнего Василева (Галицкое княжество, территория Северной Буковины), где данный узор покрывает фигурку орла, представленного в «геральдической позе» [20, с. 112]. Однако помимо способа оформления поверхности отдельных элементов изображения, «сетка» («решётка») становится самостоятельным раппортом, истоки которого, вероятно, восходят к ренессансной традиции украшения цоколя и углов здания алмазным рустом. Изразцы с объёмными гранёными квадратными выступами хорошо известны в Европе [31, S. 258, Abb. 19]. Стенные плитки, декорированные сплошным сетчатым узором, когда невысоким рельефом обозначались только границы ячеек, а внутренняя их плоскость не выделена относительно поверхности лицевой пластины, являются упрощённой версией этого типа декора. Среди находок в Вильнюсе указан стенной рамочный изразец XVII в., где в каждом ромбе «решётки» помещена маленькая розетка [36, р. 36, раv. 72], похожий орнамент встречается на польских изразцах первой половины XVII в. [33, s. 268, гус. 6, 7]. Полоцкий образец Р. Л. Розенфельдт, по аналогии с чешскими изразцами, датирует второй половиной XVI в. [19, с. 179, 180; рис. 1, 5]. Изразец с сетчатым узором XVII в. был обнаружен и в Новогрудке (в музейной коллекции не представлен) [10, с. 119; мал. 31, 10]. Среди румынских образцов узор «решётка» присутствует на печных плитках XVI в., найденных в городе Клуж-Напока (Коложвар) [29, old. 108; tab. 18, 1]. Карнизные изразцы с сетчатыми поясками, происходящие из Польши, по рисунку и размеру ячеек наиболее близки коронке из коллекции Русского музея [30, il. 116, 123], которая была, вероятно, создана в первой половине XVII в.

⁵ Изразец инв. № ДРИ-145, у которого сохранился треугольный выступ для крепления — шип. В коллекции присутствует фрагмент с орнаментом из сетки (ДРИ-146) — видимо, нижняя часть такого же изразца.

Рис. 3. Фрагмент печного стенового изразца с ковровым орнаментом «цветы в вазе». Вторая половина XVII в. Глина, обжиг. 13×18×1,2 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-173. Фото: Е.А. Попова, 2022

яющие композицию на изразце под инвентарным номером ДРИ-172. Форма небольших листочков с заостренными кончиками, в свою очередь, схожа с растительными элементами на изразцах из Вильнюсского замка [36, р. 13, раб. 19].

Самая часто воспроизводимая флоральная композиция на изделиях белорусских изразечных мастерских — «букет в вазе». Данный мотив получает распространение в белорусском изразечном искусстве с середины XVI в. [25, с. 232]. На новогрудских плитках из Русского музея встречаются восемь типов подобного узора. Главным источником мотива цветочного букета в сосуде с S-образными ручками считаются итальянские и турецкие ткани, откуда был заимствован сам принцип коврового орнамента. Для создания эффекта его непрерывности применялись безрамочные изразцы [8, с. 381]. Также мастера переняли отдельные элементы раппортов: например, форма заостренного овала являлась интерпретацией узора «шемсели», а излюбленным цветком стала гвоздика [18]. Изразцы Новогрудка с этим мотивом демонстрируют большое разнообразие в способах передачи растительных и флоральных мотивов — от объёмно-реалистичного до истончённо-графичного. Среди изразцов встречается стеной образец без поливы с ковровым типом орнамента, где в букет включены колокольчикоподобные бутоны (то есть головка цветка опущена вниз)⁶. Он интересен геометризированной трактовкой формы (Рис. 3). Головки цветов переданы в стилизованном виде. Лаконичные скупые линии рельефа прерываются, и каждый элемент композиции (цвет-

Растительные мотивы встречаются на изразцах из коллекции Русского музея чаще других. Травный узор присутствует на карнизных изразцах, порой в довольно стилизованном виде, а также является частью геральдических и зооморфных орнаментов. Закручивающиеся листья — характерный мотив для заставок русских старопечатных книг (Апостол 1564 г. Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца) [26, с. 81, рис. 6]. Хорошо известно о работе русских гравёров в городах Великого княжества Литовского. В пригороде Новогрудка, в Любчанском замке, также располагалась типография [27, с. 30]. Поэтому неудивительно присутствие мотивов из печатной графики на изразцах Новогрудка. В типографии купцов братьев Мамоничей в Вильне работал Петр Тимофеев Мстиславец. В декоративной рамке изображения евангелиста Марка из Евангелия (Вильна, 1575 г.) [7, с. 93, рис. 3] присутствуют вазы с букетом из листьев и побегов, напомина-

⁶ Изразец инв. № ДРИ-173. В коллекции присутствует небольшой фрагмент (центральная часть пластины) такого же типа изразца с изображением гвоздики — инв. № ДРИ-174.

ток, стебель, ручки и тулово вазы) превращается в самостоятельную фигуру⁷. Изразец в документах учёта датирован XVII в., однако подобный вид цветов присутствует на поливном зелёном изразце второй половины — конца XVII в. из замковой церкви города Тыргу-Муреш, среди населения которого преобладали венгры (Румыния, Трансильвания) [29, old. 74, кер. 16]. Заметный по белорусским изразцам переход от реалистичной трактовки композиции с цветами в сосуде к более условной и декоративной отмечался исследователями как признак нарастания барочных тенденций [21, с. 143, рис. 90; с. 147], следовательно, временем создания изразца инв. № ДРИ-173 является вторая половина XVII в. Склонность к стилизации именно флоральных композиций была свойственна в XVII в. литовским изразечникам [8, с. 373; 36, р. 30, раб. 58].

Помимо плиток с ковровым орнаментом в собрании Русского музея присутствует рамочный изразец с одиночным изображением букета в архитектурном обрамлении (Рис. 4), аналогичные плитки были обнаружены в Мстиславле [22, с. 336, рис. 13] и Могилёве [5, кат. 89; 28, с. 29, 30, рис. 10, 11]. Изразец с таким орнаментом из Вильнюса датирован XVI в. [36, с. 28, рис. 55]. Плитки из белорусских центров относят к середине – второй половине XVII в. Они, как и образец из нашей коллекции, отличаются от литовского изразца измельчёнными деталями композиции. Это позволяет нам датировать изразец из Новогрудка второй половиной XVII в. Сам принцип построения сцены (размещение букета в нише или в проёме полуциркульного окна) напоминает ранние голландские цветочные натюрморты. С другой стороны, этот мотив перекликается с ренессансной традицией изразцов с портретами дворян под декоративными арками. Они были широко распространены в Европе, в том числе в Литве [36, р. 10, 11; раб. 14, 15] и белорусских городах [5, кат. 82]. На немецких плитках воспроизводился расположенный за арочным проёмом ренессансный дворцовый интерьер в перспективном сокращении, без фигуративных изображений⁸. Таким образом, подобный мотив может являться отголоском ренессансного стиля, если учитывать, что симметричный способ компоновки букета относительно центрального стержня крупного цветка соотносится

Рис. 4. Печной стеной изразец (собран из трёх фрагментов). Вторая половина XVII в. Глина, обжиг, глазурь. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-180, ДРИ-181, ДРИ-182. Фото: Е. А. Попова, 2022

⁷ Похожий тип тонкого дробного рельефа и форма рамки встречаются на изразце XVII в. из Полоцка [16, с. 57; рис. 3, а].

⁸ Печь из Нюрнберга первой половины XVI в. [32, Abb. 188].

Рис. 5. Фрагмент печного профилированного изразца с изображением гиппокампа. Начало XVII в. Глина, обжиг. 8,2×10,8×1 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-133. Фото: Е. А. Попова, 2022

Рис. 6. Фрагмент печного изразца-уступа. Конец XVI – начало XVII вв. Глина, обжиг, глазурь. 13×8,5×5,3 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-130. Фото: Е. А. Попова, 2022

с широко распространенным в искусстве Возрождения мотивом канделябра. В полоцких плитках флоральная композиция под аркой дополнялась монограммой с именем Христа и крестом [19, с. 182, 183; рис. 2,1].

Другой растительный мотив, встречающийся на новгородских изразцах — это «гроздь винограда», которая передана в форме одной цельной ягоды. Виноградная лоза — хорошо известный мотив христианского искусства. Он остается востребованным художниками XVII в., особенно в среде белорусских резчиков. Чаще всего лоза служила украшением столбиков в иконостасах (например, иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря, резчик Клим Михайлов) [17, кат. 98–101]. Виноградная лоза в архитектурно-декоративной керамике чаще украшает карнизные изразцы. Изображение одной кисти-плода — это мотив для стеновых плиток, к которым относится и образец из Новгорода. Исследователи украинских изразцов, на которых виноградная лоза встречается уже в XVI в., связывают распространение этого орнамента с воздействием искусства Ренессанса [9, с. 392].

Зооморфные образы были представлены на фрагментах угловых муравленных изразцов с изображением «древа», которое фланкируют пары гиппокампов (инв. № ДРИ-129, 130), и букета в вазе с грифонами по сторонам (инв. № ДРИ-131). «Древо» в форме изящного побега также встречается на кафле середины – второй половины XVII в., обнаруженной при раскопках в посёлке Мир [5, кат. 87]. Парные изображения зверей — древний мотив, который переживает в искусстве Возрождения новый расцвет, став основой для композиций гротесков. На примере новгородского изразца с грифонами мы видим, как в традиционный орнаментальный раппорт вносится популярный мотив «цветы в вазе» (о котором мы говорили ранее), из-за чего он приобретает более «светское» прочтение. Аналогичное решение встречается на профилированных изразцах XVII в. из Гродно [10, с. 119; рис. 31, 9] и Вильнюсского замка [36, р. 22, раб. 39]. Однако по сравнению с вильнюсской плиткой фантастические звери на новгородском

Рис. 7. Фрагмент печного стеного изразца с геральдическим орнаментом. Середина – вторая половина XVII в. Глина, обжиг, глазурь. 5,5×7,9×1,9 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-194. Е. А. Попова, 2022

го уступа с тем же сюжетом (Рис. 6), заметна более пластичная, анатомически верная проработка морды и гривы конька; сочленение верхней части тела с рыбьим хвостом украшено характерным завитком, как на литовских изразцах XVII в. из Национального художественного музея имени М. К. Чюрлёниса (Каунас)⁹. Поэтому мы склонны отнести именно эти два фрагмента к началу XVII в. Среди литовских изразцов также встречаются варианты с более обтекаемой фигурой гиппокампа, как на изразце с инв. № ДРИ-130 (Рис. 6), которая дополнена бордюрами геометрического орнамента¹⁰.

Геральдические изразцы в коллекции малочисленны. Обломок с изображением лапки и части рамки-венка, обрамляющей центральный образ (инв. № ДРИ-200), по всей видимости, является фрагментом распространенного типа изразца с орлом. В качестве примера, можно привести плитку с гербом Радзивиллов из Мирского замка [24, с. 39]. Изразцы с геральдическим декором в Литве появляются в первой половине XVI в. [36, с. 43]. Особый интерес представляет вышеупомянутый фрагмент единственного в коллекции многоцветного изразца. Под двойной рельефной аркой помещена звезда, по сторонам которой снизу выглядывают кончики утраченного полумесяца. Подобный знак характерен для герба «Лелива», к которому принадлежали многие знатные фамилии Польши и Литвы. Геральдическая кафля первой трети XVII в. с такой же эмблемой была обнаружена в Полоцке [6, с. 26, 27, 78; мал. 13]. В Литве данный герб связан с родом Монивидовичей (Монивидов) [35, с. 189]. Часть веерообразной фигуры справа, заполненная рельефными овалами, — другой атрибут геральдической композиции,

образце представлены в более стилизованном виде.

И. И. Плешанова выявила среди красных изразцов два обломка с очень стёртым рельефом на тот же сюжет: инв. № ДРИ-132 — с грифоном и инв. № ДРИ-133 — с морским коньком. Все изразцы она датировала концом XVI – началом XVII в. [4, с. 10, кат. 32, 33, 34]. Именно терракотовые образцы наиболее близки к литовским изразцам. Особенно это очевидно на примере изразца с фигуркой гиппокампа (Рис. 5). На этом изразце (даже при его плохой сохранности), в отличие от фрагмента муравленого

⁹ Инв. № ČDM A 288. URL: https://www.limis.lt/en/paieska/perziura/-/exhibit/preview/440665531?s_id=dua4RX99mTyjkMdr&s_ind=76&valuable_type=EKSPONATAS (дата обращения: 30.01.23). Инв. № ČDM A 544. URL: https://www.limis.lt/en/paieska/perziura/-/exhibit/preview/504998094?s_id=dua4RX-99mTyjkMdr&s_ind=60&valuable_type=EKSPONATAS (дата обращения: 30.01.23).

¹⁰ Инв. № ČDM A 370. URL: https://www.limis.lt/en/paieska/perziura/-/exhibit/preview/505015278?s_id=dua4RX99mTyjkMdr&s_ind=64&valuable_type=EKSPONATAS (дата обращения: 30.01.23).

Рис. 8. Фрагмент изразца-коронки с головкой херувима. XVII в. Глина, обжиг, глазурь. 18,6×15,2×1,5 см. Государственный Русский музей, инв. № ДРИ-160. Фото: Е. А. Попова, 2022

павлиний хвост. Появление изображения шлема с пышным пучком перьев на гербовых изразцах Литвы А. Таутавичюс относит к началу XVII в. [36, р. 44]. Следовательно, небольшой фрагмент изразца с перьями, покрытого коричневой поливой, мы можем атрибутировать как часть другой плитки со знаком именитого рода. И если полихромный изразец с условно изображённым украшением «павлиний хвост» датируется первой половиной XVII в., то на фрагменте под инвентарным номером ДРИ-194 (Рис. 7) перья переданы в рельефе более изящно и подробно, что свидетельствует об его исполнении в середине – второй половине XVII в.

Другой тип геральдического орнамента, представленный на многочисленных фрагментах терракотовых и муравленых изразцов Новогрудка (девять инвентарных номеров), — щиток с эмблемой в обрамлении двух крупных листьев, над которыми помещены две небольшие розетки. Реконструкция композиции была произведена О. В. Овсянниковым [12, с. 123; рис. 53, 9]. Сочные, слегка закручивающиеся листья напоминают полихромные кафли Мирского замка [24, с. 39].

Единственный изразец с религиозным сюжетом в коллекции Русского музея — коронка (то есть изразец из верхнего ряд кладки печи, «шип» для крепления утрачен) с головкой херувима. Данный сюжет широко представлен в прикладном искусстве Европы XV–XVII вв. [14, с. 9]. На новогрудском изразце (инв. № ДРИ-160) мы видим условное изображение, созданное упрощённо-геометризованными формами (Рис. 8).

Среди рассматриваемых изразцов выделяется прямоугольный стеной образец (инв. № ДРИ-144 а, б), состоящий из двух фрагментов с частично сохранившейся румпой, отступающей от краёв плитки, его лицевая пластина абсолютно гладкая и покрыта зелёной поливой. Такие изразцы были обнаружены в расположенном недалеко от Новогрудка, на левом берегу реки Неман, Любчанском замке. Образец из Русского музея имеет широкую датировку XVII в. Исследователи Любчанского замка называли печи, выложенные гладкими плитками, «поздними», их аналоги находились в Лидском замке [27, с. 32]. Печи из таких изразцов в Мирском замке датируются XVIII в. [25, с. 233].

В середине XVI – начале XVII века в архитектуре белорусских городов отмечают появление ренессансных, а затем барочных черт [25, с. 216]. Однако датировка и характеристика изразцов с точки зрения стиля затруднена спецификой их создания. Изразцы – изделия массового производства. Деревянные матрицы, с помощью которых выполнялся рельефный декор плиток, могли использоваться годами. Миграция мастеров вместе с формами была более экономически оправданным решением, нежели перемещение крупных партий хрупких изразцов на значительные расстояния. Такие технологические особенности, вероятно, и обусловили сосуществование в архитек-

турно-декоративной керамике Новогрудка ренессансных и барочных черт с анахроничным геометрическим орнаментом.

Небольшая коллекция изразцов из древнего Новогрудка наглядно демонстрирует разнообразие конструктивных типов и орнаментов в арсенале местных мастеров, которые работали для граждан разного достатка, судя по присутствию в собрании полихромного образца с геральдической композицией и терракотовых образцов с простым геометрическим орнаментом. Новогрудские образцы соответствуют хронологии развития и типологии изразцов, бытовавших в белорусских городах, обнаруживая сходство с керамическими плитками Польши и Литвы. Изразцы Новогрудка наглядно демонстрируют разнообразие социально-культурной и художественной среды, в которой они создавались.

Литература

1. Гуревич Ф. Д. Об окольном городе летописного Новгородка X–XIII вв. // Советская археология. — 1962. — № 1. — С. 244–252.
2. Гуревич Ф. Д. Дитинец и околный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956–1977 // Советская археология. — 1980. — № 4. — С. 87–101.
3. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад - околный город. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. — 159 с.
4. Государственный Русский музей. Древнерусское искусство. Новые поступления (1977–1987). Каталог выставки / Ред. Н. Н. Шумских. — Л.: Художник РСФСР, 1989. — 86 с.
5. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII – XVIII стагоддзяў / Аўт. тэксту і склад. Н. Ф. Высоцкая. — Минск: Беларусь, 1984. — 235 с.
6. Здановіч Н. І. Кафлярства ў Беларусі (на матэрыяле калекцыі полацкай кафлі): метадычны дапаможнік. — Мінск: БДПУ, 2005. — 99 с.
7. Зернова А. С. Первопечатник Пётр Тимофеев Мстиславец // Книга. Исследования и материалы. — М., 1964. — Сб. IX. — С. 77–111.
8. Кондратьева Е. В., Паничева Л. Г. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1986. — Л.: Наука, 1987. — С. 369–384.
9. Кос А. И. Коллекция изразцов историко-архитектурного заповедника во Львове // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1983. — Л.: Наука, 1985. — С. 390–396.
10. Краўцэвіч А. К. Гароды і замкі Беларускага Панямоння XII–XVIII ст.ст. Планироўка, культурны слой. — Минск: Навука і тэхніка, 1991. — 171 с.
11. Левко О. Н. Витебские изразцы XIV–XVII вв. — Минск: Наука и техника, 1981. — 46 с.
12. Овсянников О. В. Архитектурно-декоративная керамика XVI–XVII вв. из Новогрудка // КСИА. — 1969. — Вып. 120. — С. 122–125.
13. Паничева Л. Дэкаратыўная кераміка Копысі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1974. — № 3. — С. 47–51.
14. Паничева Л. Г. Белорусские изразцы XIV–XVII вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... к. и. н. — Л., 1980. — 16 с.
15. Паничева Л. Г. Наваградская кафля // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1980. — № 2 (42). — С. 33–35.
16. Паничева Л. Г. Полоцкая архитектурно-декоративная керамики XIV–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. — 1980. — Вып. 160. — С. 53–59.
17. Пластыка Беларусі XII–XVII стагоддзяў / Аўт. і склад. Н. Ф. Высоцкая. — Минск: Беларусь, 1983. — 231 с.
18. Попова Е. А. Декоративный мотив «ваза с цветами» на изразцах в собрании Русского музея // Осень русского Средневековья. Сборник статей по материалам научной конференции «Осень русского Средневековья. Искусство XVII века». 15–17 апреля 2019 г. Русский музей, СПб. — Вып. XXXVII. — С. 49–60 (в печати).

19. Розенфельдт Р. Л. Белорусские изразцы // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л. А. Евтюхова. — 1969. — С. 178–184.
20. Тимощук Б. А. Декоративные плитки XII–XIII вв. из Василева // Краткие сообщения Института археологии. — 1969. — Вып. 120. — С. 112–113.
21. Трусов О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. — Минск: Наука и техника, 1988. — 157 с.
22. Трусов О. А. Мстиславские изразцы // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1989. — М.: Наука, 1990. — С. 334–340.
23. Трусаў А. А. Беларускае кафлярства. — Минск: Перамога, 1993. — 49 с.
24. Трусаў А., Угрынович У. Паліхромная кафля Мірскага замка // Мастацтва Беларусі. — 1983. — № 3. — С. 38–39.
25. Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области // Советская археология. — 1986. — № 4. — С. 216–235.
26. У истоков русского книгопечатания / Под ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова, А. И. Назарова. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 265 с.
27. Чарняўскі І., Сітагарэва С. Замак у Любчы // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1984. — № 4. — С. 30–32.
28. Шуткова Н. П. Стенные изразцы с изображением «букета в вазе» с территории Могилевского Поднепровья // The Scientific Heritage. — 2021. — Vol. 5. — No. 60 — P. 16–36.
29. Benkő E. Kolozsvár magyar külvárosa a középkorban. A Kolozsvárba olvadt Szentpéter falu emlékei. Erdélyi Tudományos Füzetek № 248 — Kolozsvár: Erdélyi Múzeum-Egyesület, 2004. — 131 old.
30. Dąbrowska M. Kafle i piece kaflowe w Polsce do końca XVIII wieku. — Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. — 270 s.
31. Holl I. Renaissance-Öfen. Mittelalterliche Ofenkacheln in Ungarn V // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1993. — No. 45. — S. 247–299.
32. Franz R. Der Kachelofen. Entstehung und kunstgeschichtliche Entwicklung vom Mittelalter bis zum Ausgang des Klassizismus. — Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1969. — 554 S.
33. Kобрzeñiecka-Sikorska G. Kafle XVI–XVII wieku z Lidzbarka Warmińskiego w zbiorach Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie // Garncarstwo i kaflarstwo na ziemiach polskich od późnego średniowiecza do czasów współczesnych: Materiały z conf., Rzeszów, 21–23.IX.1993 / Muzeum okręgowe w Rzeszowie; red. A. Gruszczyńska, A. Targońska. — Rzeszów, 1994. — S. 263–275.
34. Piątkiewicz-Derenoiwa M. Wawel Renaissance stove-tiles. — Warszawa: Kraiowa Agencja Wydawnicza, 1982. — 12 s.
35. Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle r. 1413 // Miesięcznik Heraldyczny. Organ Towarzystwa Heraldycznego we Lwowie. — Lwów, 1913. — No. 11–12 R.VI. — S. 176–190. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/84922?id=84922> (дата обращения: 27.01. 2023).
36. Tautavičius A. Vilniaus pilies Kokliai (XVI–XVII a.) / Acta Historica Lituanica IV. — Vilnius: Mintis, 1969. — 47 p.

Название статьи. Белорусские изразцы XVI–XVII веков из коллекции Русского музея

Сведения об авторе. Попова, Елена Александровна — научный сотрудник отдела древнерусского искусства. Государственный Русский музей, Инженерная ул., д. 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186; politilena@yandex.ru; SPIN-код: 1907-4571; ORCID: 0000-0002-1076-0447.

Аннотация. В коллекции Русского музея хранится группа изразцов, происходящих из древнего центра Понеманья — Новогрудка. Все образцы были найдены экспедицией ЛОИА АН в 50–60-е гг. XX в. в позднесредневековых слоях окольного города. В Новогрудке с середины XIV в. существовало собственное изразечное производство, которое удовлетворяло потребности населения с разными финансовыми возможностями, поэтому в собрании мы видим примеры терракотовых и глазурированных изразцов, выполненных в одинаковых формах. Аналогии среди керамических плиток Европы, отмеченные исследователями, и наши собственные наблюдения приводят нас к заключению о близости новогрудских изразцов с произведениями из городов Польши и Литвы, что является логичным следствием того, что Новогрудок в течение столетий входил в состав Великого княжества Литовского, а потом Речи Посполитой. Тем не менее, белорусские изразцы обладают своей уникальной

индивидуальностью, выразившейся в специфической технологии нанесения однотонной поливы налицевую пластину без предварительного слоя ангоба. Также мы наблюдаем приверженность местных мастеров более древним геометрическим узорам в качестве декора для изразцов. А в простоте художественной интерпретации ренессансных и барочных раппортов (парные изображения морских коньков и грифонов по сторонам от растительного мотива или ваза с букетом под аркой) заключаются неповторимое обаяние новогрудских плиток и непосредственность переосмысления белорусскими изразечниками европейских образцов.

Ключевые слова: изразцы, средневековые изразцовые печи, Новогрудок, керамика, прикладное искусство Белоруссии

Title. Belarusian Tiles of the 16th–17th Centuries in the Collection of the Russian Museum

Author. Popova, Elena A. — researcher. State Russian museum, Inzhenernaia ul., 4, 191186 St. Petersburg, Russian Federation; politilena@yandex.ru.; SPIN-code: 1907-4571; ORCID: 0000-0002-1076-0447.

Abstract. The group of medieval stove tiles was discovered during the excavations in the ancient town of Novogrudok in the 1950–60s. In 1979, 73 items were included in the collection of the State Russian Museum. The tradition of decorating stoves with ceramic tiles came to Belarusian cities and castles from Germany. The most ancient type of tiles from Novogrudok resembles a cylindrical vessel and is dated to the mid-14th century. However, most of the exhibits from the museum collection belong to the 17th century. Some of the tiles are glazed. There are two types of glaze: self-colored green and polychrome. The front sides of the tiles were decorated with a variety of ornaments, including geometrical, floral, armorial, hieratic, and animalistic. The tiles from Novogrudok show similarities with Lithuanian and Polish pieces, yet they also display distinctive features. The artists employed a combination of modern trends and traditional schemes (such as plain geometrical patterns) in their work.

Keywords: tiles, medieval tiled stoves, Novogrudok, ceramics, applied art of Belarus

References

Franz R. *Der Kachelofen. Entstehung und kunstgeschichtliche Entwicklung vom Mittelalter bis zum Ausgang des Klassizismus*. Graz, Akademische Druck- u. Verlagsanstalt Publ., 1969. 554 p. (in German).

Gurevich F. D. *Drevnii Novogrudok. Posad-okol'nyi gorod (Ancient Novogrudok. Posad – Roundabout City)*. Leningrad, Nauka Leningradskoe otdelenie Publ., 1981. 159 p. (in Russian).

Levko O. N. *Vitebskie izraztsy XIV–XVII vv. (Vitebsk Tiles of the 14th–17th Centuries)*. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1981. 46 p. (in Russian).

Osviannikov O. V. Architectural and Decorative Ceramics of the 16th–17th Centuries from Novogrudok. *Kratkie soobshheniia Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 1969, no. 120, pp. 122–125 (in Russian).

Panichava L. G. Tiles of Novogrudok. *Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi (Monuments of History and Culture of Belarus)*, 1980, no. 2 (42), pp. 33–35 (in Belarusian).

Panicheva L. G. Architectural and Decorative Ceramics of the 14th–17th Centuries from Polotsk. *Kratkie soobshheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 1980, no. 160, pp. 53–59 (in Russian).

Rozenfel'dt R. L. Belorussian Tiles. Evtiukhova L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (Antiquities of East Europe)*, 1969, pp. 178–184 (in Russian).

Tautavičius A. *Vilniaus pilies Kokliai (XVI–XVII a.)*. *Acta Historica Lituanica IV*. Vilnius, Mintis Publ., 1969. 47 p. (in Lithuanian).

Trusov O. A. Tiles of Mstislavl. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya (Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archaeology)*. 1989). Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 334–340 (in Russian).

Trusov O. A.; Chernjavskij I. M.; Kravcevic A. K. Architectural and Archaeological Research of the Mir Castle and the Village Mir in Grodno Region. *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 1986, no. 4, pp. 216–235 (in Russian).

Trusov O. A. *Pamiatniki monumental'nogo zodchestva Belorussii XI–XVII vv. (Belorussian Monumental Architecture of the 11th–17th Centuries)*. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1988. 57 p. (in Russian).